

Дебют
**У ОКНА
СТОЮ Я, КАК
У ХОЛСТА**

Сегодня мы рискуем представить читателю никому еще не известного артиста. Для которого сезон «73—74» — первый театральный сезон с личным участием.

Его биография пока легко укладывается в два предложения: Станислав Садалский окончил в 1973 году ГИТИС. В этом же году принят в московский театр «Современник».

Мы могли бы рассказать о Владимире Герасимове, сегодняшнем выпускнике театрального училища имени Щукина, или об Александре Скворцове: его первый театральный выход состоялся в Московском театре имени Гоголя. Но мы рассказываем именно о Станиславе Садалском. И не потому, что он чем-то очень уж отличается от Герасимова и Скворцова. Хотя, конечно же, отличается.

А впрочем, мы не станем объяснять, почему именно Садалский — герой этого рассказа. Садалский один из многих, из сотни молодых артистов, оставшихся по распределению в Москве. Лицо, выхваченное из толпы...

Какой он, молодой артист?

Пусть он пока не знаменит, его не узнают на улицах и не просят автограф. Не сыгран еще спектакль с самой главной ролью и не светится в афишах его имя.

С чего-то ведь все начинается. Со взгляда в небо. С прогулки по городу. С какого-то, пусть незначительного, впечатления.

ПРОСЫПАЮСЬ утром. Подхожу к окну. Вот уж, действительно, нельзя не спеть шуточную студенческую песню. «Над Москвой встает зеленый восход. По мосту идет оранжевый кот. И лотошник у моста продает апельсины цвета беж».

Удивительный город. Сказочный. Посмотришь утром — один. Вечером — другой. Когда я первый раз приехал в Москву, целую неделю, задрал голову, ходил, — говорит Станислав. — Есть дома, мимо которых я очень люблю ходить. Есть улицы, на которых я часами могу стоять.

По городу иду один. ...За четыре года, пока учился в институте, все музеи осмотрел. Все выставки, на какие только смог попасть. Спектаклей не меньше трехсот видел.

Вот ведь знаю, что Ленинград в чем-то и красивей, и колоритней, а люблю Москву. Сердцу ближе.

Идешь по городу, и

хоть стихи сочиняй: «Окна в белый цвет одеты, словно белые манжеты. А дома — стройны и величавы, как родня невесты при венчаньи».

...Однажды меня попросили рассказать об одном знакомом. Я называла книги, которые он читает, фильмы, которые смотрит. Какую одежду носит, какие водит знакомства. А потом вдруг ни с того ни с сего вспомнила, как он рассказывал мне о фильме Вайды «Все на продажу». «Понимаешь, в этом последнем кадре, — говорил он, — когда лошади мчатся по кругу, и с ними, раскинув руни, бежит Ольбрыхский, есть что-то... нет, словами этого не скажешь. Это как если бы ты вдруг почувствовала, что умеешь летать или ходить по воздуху. В этом кадре есть порыв, освобождение, красота, сила чувства, возведенная в сотую степень».

Я пересказывала слова моего знакомого и вдруг почувствовала, что все мои наблюдения за тем, что он читает и куда ходит, совсем ни к чему. Я поняла, что можно поймать человека на слове, и в этом слове будет больше его самого, чем во всех биографиях, о нем написанных.

МОСКОВСКИЙ театр Маяковского приехал на гастроли в Воронеж. Спектакль «Мамаша Ку-

раж и ее дети» запомнился Садалскому надолго. «Врезался в память», как говорит он сам. С этих пор... нет, стать артистом он решил, как родился. Во всяком случае, не помнит, чтобы мечтал о какой-нибудь другой профессии.

Отец же хотел видеть сына в другой роли. Начались распри. После девятого класса Станислав ушел из школы и поступил работать.... нет, опять же не в театр, а на Воронежский механический завод. Работал слесарем, учился в вечерней школе и пытался доказать отцу и себе, что он вполне самостоятельный взрослый человек, который сам может принимать решения и думать о своей судьбе.

В 1968 году Станислав приезжает в Москву. И подает документы в театральное училище имени Щепкина. Проходит первый и второй тур, а на третьем срезается. Возвращаться в Воронеж бессмысленно, отец только и ждет этой неудачи. И Станислав едет в Ярославль.

— Почему именно в Ярославль? Так ведь это же родина русского театра, — удивляется он моему вопросу, — куда же я еще мог поехать?

Театр театром, но ведь надо же где-то и работать. И опять завод. Токарь Станислав Садалский добивается звания ударника коммунистического труда. А в 1969 году приезжает опять в Москву и поступает на первый курс Государственного института театрального искусства. Григорий Григорьевич Конский и Ольга Николаевна Андровская, преподаватели ГИТИСа, становятся для него второй семьей.

Не знаю, как для вас, а для меня очень важно знать, приходилось ли человеку хоть раз в жизни преодолеть самого себя, быть последовательным в трудных ситуациях, а не на прямом месте. Кстати, о последовательности Садалского. Трудно это или легко — жить в чужом городе, без поддержки родителей и без верного аванса на свою дальнейшую судьбу?

МИЛАЯ барышня, — сказала мне Ольга Николаевна, — Стасик, конечно же, талантливый актер. Слава богу, не пьет, не курит. Вот только характер у него... Очень уж он вспыльчивый. Необузданный какой-то. Я ему много раз говорила: «Стасик, держи себя в руках. Нельзя так». Из-за любой ерунды чуть не в драку лезет.

А вообще, вы его не хвалите. Он зазнается.

Я ЖДАЛА Станислава в вестибюле театра. Репетиция кончилась. Мы шли по Большой Садовой. Он сказал:

— Знаете, чего я боюсь больше всего? Как бы кто-нибудь не узнал, что я играть не умею. Прихожу в театр, день кончается, гора с плеч — сегодня не узнали. А завтра?..

Какой он еще, Станислав Садалский? Приходите в театр «Современник». Премьера спектакля «Погода на завтра» — премьера Садалского. Его первая роль.

Н. ПОЛОВИНЧИК.

Фото В. КАТАЕВА.